

Великий миф о Казанове рухнул!

Американские критики склонны винить в этом Алена Делона, сыгравшего главную роль в киноверсии по одноименному роману Артура Шнитцлера. И о его последней картине отзываются резко нелицеприятно.

Но сам Делон полагает, что воду мутит старость. Только она подтачивает несокрушимые и многовековые легенды.

Об этом беседа корреспондента «Премьер»/ДЕНИ МИШЕЛЬ со знаменитым актером.

— Итак, вы сегодня — Казанова. Сыграла еще одна роль. Пройден еще один путь. Казанова. Что это значит для вас?

— Конеч века. Конеч мира. Конеч человека. Конеч мифа. — Вас привлек конец мифа Казановы?

— Да. И в конце человеческого века мне чудился конец века эпохи. Маленькая Эльза (она же была и Марколиной), игравшая со мной в этом фильме, утверждает жестко и обиженно: «Вы румяните вашу старость. Но ваше мясо уже давно приготовлено. Вы средоточие всего, что я ненавижу». Эльза говорит и при этом даже не предполагает, что на самом деле водит пальцем по последним строчкам финальной главы великого мифа.

— Но этот миф, то есть его конец, имеет отношение и к самому Делону?

— Некоторым придется долго ждать, пока это начнет иметь ко мне отношение. В XVIII веке возраст 55 рассматривался как уже почти канонический. Это был возраст изнуренного, конченного человека.

Казанову по молодости изгнали из Венеции, и только одна единственная надежда грела его на черте пятьдесят пять: вернуться в Венецию и там, обгорев, умереть. Он испытывал чувство, которое каждому суждено испытать однажды — вернуться на круги своего детства. Это испытывают единожды: перед тем, как отойти в вечность.

Казанова не желает стать кающимся. Желает и умереть со блазнителем. Хотя «любочник» он уже совершенно беззубый. Знаете, какова его главная проблема? Спортивное состязание с самим собой. И против самого себя. Невымотанный человек идет против себя вымотанного. Он встречает женщин и ждет близости с ними, и получает ее без всякого, впрочем, наслаждения. Но однажды желанная его отталкивает. И он срывается. Рискнет идти до конца, но паникует. И при всем том он не слишком влюблен в нее. Если бы был влюблен как раньше, фильм закончился бы по-иному.

— Он не поражен электрическими зарядами, скорее походит на обжегшегося тлеющей свечкой. Возвращение Казановы считают возвращением Делона! Возвращением актера в истинно ценной роли, которой мы давно уже не ждали.

— Стоп. Я знаю, что пресса шумит уже всю вокруг меня. Однако хочется уничтожить броский газетный заголовок: «Возвращение Казановы — возвращение Делона». Я, кажется, куда не уходил. И не останавливался. По крайней мере — 35 лет карьеры за спиной. И 1987 год, единственный, когда я не снимался, только потому, что ради собственного удовольствия записал песню «Как в кино», вывел ее в жизнь в клипе и исколесил с ней всю Европу. Сейчас же я желаю поздравить свой сотый фильм с такой «звездой», как я.

— Вы не пресытились своим звездным статусом?

— Нет. Это редкий феномен. А вы хотите подыскать мне другое определение? Какое же, лю-

Ален ДЕЛОН:

«В этот день я уйду. Возможно, так, как Хемингуэй»

бопытно? Надеюсь, это будет не синоним слову «труха»?

— Я вас умоляю, что вы говорите! Вы, кстати, еще и продюсер, и постановщик. Странно, что не стали журналистом.

— Э, хорошо! — В памяти народа сохранились 10—15 больших фильмов, которые делят критики: «Полный солнца» Рене Клемана, «Леопард» Лукино Висконти, «Самурай» Мелвилла и так далее.

— Это классические уже ленты. Как мило, что вы про них напомнили. Не забудьте также «Рокки и его братья», «Кошки». Но самый большой коммерческий успех, конечно, у фильма «Полный солнца». Его видели в каждой стране. Такого же огромного успеха заслуживает «Казанова». Если он «не пойдет», я больше ничего не стану снимать.

— Вернемся к начатому разговору: для вас Казанова — некая модель. В его жадности до женщин есть что-то от темперамента Делона?

— Казанова — модель, но не для меня. В том смысле, что он (а я никогда!) отрывает лепестки у пионов и бросает их себе под ноги. В другом смысле он моя модель: ему, как и мне, пятьдесят пять.

— Вам не больше чуть-чуть?

— Чуть-чуть! — Приготовленное мясо. Что бы убедиться в этих словах Эльзы, достаточно взглянуть на ваше солидное брюшко?

— Приготовленное мясо эпохи. Эпоха закончена, съедена. Вот какой здесь смысл. Я же набрал пять килограммов, чтобы перевоплотиться реально в этот перекормленный, пресыщенный персонаж. Я хотел, что-

бы под жилетом чувствовалось настоящее брюхо, чтобы лицо стало одутловатым и опустошенным, такое, какого хотел сам Артур Шнитцлер для своего создания!

— Однако вот чудь собачья! Когда французский актер экспериментирует таким образом, как я, у себя дома, — отращивает брюхо, «разучивает» нужное выражение лица, — журналисты никогда не забывают сказать ему вслед: «Ну и уродливо выглядит этот Делон в своей новой роли». И, конечно же, они никогда и ни за что не забудут поместить твоё фото в профиль, когда брюшко вырисовывается так же очевидно, как и нос. Но вот, если вдруг Роберт Де Ниро вздумает раздеться до размеров чудовища, чтобы врать покрепче в роль, ваши коллеги, милейший, захохотают на разные лады: «Какой блеск! Какое мастерство! Какое чувство вкуса, ритма, материала!»

— Чем вы объясняете это?

— Дурацким устройством европейских мозгов. Всех оклодывала страна по ту сторону океана. Все, что бы там ни делалось, приводит Европу в умиление!

— Да, но Де Ниро — гениальный актер!

— А я?

— Да, конечно. Но вернемся к Казанове. Вы считаете, что вовсе не похожи на него в том, что касается любовных интриг и отношений к женщинам?

— Я же говорил: Казанова — соблазнитель. Чего меня впутывать в это! Я не знаю, что такое соблазнение и понятия не имею, как волочиться за юбками. Быть Казановой, значит владеть некой изощренной и виртуозной «инструкцией», где технически раз-

работаны методы захвата женского сердца и тела. Впрочем, мне это все вовсе не было нужно, никогда не надо было. Женщины всегда сами приходили ко мне.

— Но... Простите, Делон, годы идут. И все больше женщин проходят мимо. И все меньше приходят сами.

— Я никогда не оборачиваюсь. У меня слишком обостренная чувствительность. И я очень хорошо знаю, чем человеку, слабому и восприимчивому, грозит уход в минувшее! Я предпочитаю молчать про это, холодно и цинично утверждая, что старость меня не тронет.

— Но придет день. И это случится неизбежно.

— И в этот день я уйду, возможно, так, как Хемингуэй.

— Вы сами с собой раздаетесь?

— Да. В последний день света надо уходить по собственному почину, не дожидаясь всеобщей гибели.

— Но почему мудрый Делон не может, состарившись, сыграть президента республики или не начнет изображать патриархов, как это делал блестящий Габен?

— Мы говорим с вами о разных вещах. Я говорю не о том, какие варианты смогу предложить своему актерскому амплу. Конечно, можно сыграть и одряхлевшего президента, и старика, и старуху тоже можно изобразить. Я имею в виду совсем другое: стоит мне только почувствовать, что в собственной коже становится неудобно, некомфортно, одиноко, я плюну на все! Остается надеяться: мой конец света произойдет не раньше, чем повзрослеет дочь. Я так лю-

ВИДЕО-АСС PREMIERE

бил жизнь, женщин, я так любил все, что быстротечно, и с такой страстью, что, подобно Монтану, считаю физически невозможным и невыносимым перекраивать живость быстротечности на тусклые безнадежные воспоминания. Это ужасно для меня, ужасно!

— Кого из женщин вы любите более всего?

— Может быть, Мирей Дарк? Я не знаю, как я начну стареть, но день, который начнется с того, что я не сумею сделать женщину счастливой, будет началом моего собственного самоуничтожения. Это абсолютно ясно.

— Но как вы собираетесь это сделать?

— Как? — Как можно чище, как можно быстрее.

— Выстрелом из ружья на охоте, как Хемингуэй?

— Нет, я не собираюсь себя обезображивать. Это должно быть сделано очень чисто.

— С помощью револьвера?

— Скорей всего.

— У вас есть маленькая дочка, обожаемая дочка. Когда вы говорите о ней, глаза ваши наполняются слезами.

— Вот поэтому я и говорю, что не хочу уходить до того, как дам ей все.

— То есть примерно до ее двадцатипятилетия?

— До двадцатипятилетия, скажем так. После этого в ветхом возрасте семидесяти пяти лет, кто знает...

— А вы уже отделались от того телесного излишка, что принес вам Казанова?

— Да, я потерял три кило. Только, пожалуйста, не говорите, смотря фильм: «Bal Что это случилось с Делоном?».

грозит ему изменой. Жена, если она еще не окончательно растолстела, тоже обещает уйти на сторону или выпаривать его «шлюхе» глаза. В общем, обычно молодая женщина для мужчины моего возраста — средоточие неприятностей.

— Но вы женаты...

— Вы ведь же уточняли вопрос, поэтому я перебираю версии. Версия вторая: когда они женаты. Поначалу это ощущение ужаса: она обещала прийти в пять, а уже две минуты шестого. Она, видимо, пошла к тому... Или еще, уже пять, она сейчас вернется, а я хожу в тренировочных брюках... И при этом — ощущение бескрайней нежности, от которой перехватывает дыхание. Удовлетворить ее может лишь появление ребенка! И потом, только имея молодую подругу, можно без лукавства в моем возрасте повторять: «Я люблю свою жену».

— Я говорю с вами и пробую уловить изменение взгляда, но он не меняется, с какой бы страстью вы ни говорили.

— Мой взгляд меняется только тогда, когда я смотрю на мою дочь. Вы не представляете, что испытываешь в пятидесятилетнем возрасте, держа на коленях собственного ребенка!

— Что вы любите в себе больше всего? Я имею в виду достоинства вашей внешности?

— Глаза.

— А меньше всего?

— Ноги.

— Какой последний фильм привлек ваше внимание?

— «Бартон Финк».

— Актеры, которых вы любите?

— Марлон Брандо, Джон Гарофилд. Я копировал его.

— У вас молодая жена. Какие чувства это в вас вызывает? Ревность, нежность, страсть? Что-то преобладает? Что значит для пятидесятилетнего мужчины женщина, которая моложе на 25 лет?

— Обычно это возрастное сочетание приемлемо для любовников. В возрасте моей жены многие молодые женщины еще свободны. В моем же мужчине, как правило, обременены немолдыми «половинами», которые на самом деле уже и не «половина» и не «четвертинка», а нечто привычное для глаз, как «обои». Однако «обои» не сдерешь так просто. И начинаются мучения: ревность, скандалы. Он лжет жене, уверяя, что она совсем сошла с ума и что он ложится спать в гостиной лишь потому, что у него насморк и он боится заразить свое толстое со-

— Среди французских? — Габен. Жуве. Лино Вентура. Бельмондо. 35 лет я его знаю. Это сама нежность и сама преданность.

— А молодые?

— Знаете, не хочу никого обижать, но... Какой-то пошел мелкий пошл. Да и вообще кино здорово измельчало. Пожалуй, про одного только Депардье и стоит рассказывать. И еще, может, про Кристиана Клавье. Блестящий комик!

— А среди женщин?

— Может, Изабель Аджани.

— А чем бы вы хотели заняться в ближайшее время?

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...

— Секрет... секрет...